

3-51

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ЖЕРМИНАЛЬ

РОМАН

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Д. С. УСОВА

РЕДАКЦИЯ, СТАТЬЯ, ПРИМЕЧАНИЯ
М. Д. ЭЙХЕНГОЛЬЦА

ФОТОПОРТРЕТ Э. ЗОЛЯ И КАРИКАТУРА

VI

14393

«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
МОСКВА — 1929 — ЛЕНИНГРАД

663085

СЕРИЮ РОМАНОВ Э. Золя «Руго́н-Маккары», по преобладающему характеру их сюжетов, можно было бы назвать эпопеей о буржуазии Второй Империи. Народу Золя посвятил три романа: «Западню», «Жерминаль» и «Землю». Если в «Западне» парижский ремесленник представлен в основе со стороны нравов, узко бытовой, то в «Жерминале» мы имеем дело с индустриальным рабочим, как социально-экономической силой, при чем семейный уклад играет в романе лишь роль красочного фона для широкого движения трудовых масс. «Тезисы», лежащие в основе «Жерминаля», сформулированы Золя так: «Роман—возмущение рабочих. Обществу нанесен удар, от которого оно трещит; словом, борьба труда и капитала. В этом все значение книги; она предсказывает будущее, выдвигает вопрос, который станет наиболее важным в XX веке»...

Вся разработка социального сюжета «Жерминаля» определяется у Золя его мыслью о борьбе труда и капитала, борьбе классов. Вот почему личность отступает у него на задний план. В этом отношении чрезвычайно характерно, что Золя предпочел безликого героя—Компанию индивидуальному капиталисту, и сделал этот выбор сознательно, как то явствует из его «Набросков». Компания—«некто в роде святилища—бога живого и пожирающего во мраке рабочих». Капитал, как сила, невольно схематизируется. Другая, противоборствующая ей сила—труд включен в конкретное, человеческое—толпу, если не безликую, то с особым коллективным лицом.

Но Золя, для развертывания фабулы романа в живом плане, нужны обычно личности, хотя бы они являлись только протагонистами толпы. И вот деньги представлены в лице директора Энбо, «он воплощает собою капитал». А рабочая масса выдвигает своих глашатаев—Этьена, Раснёра, Маз, Суварина, Шавая, Бонмора, Жанлена и других.

Всячески подчеркивая неизбежную борьбу коллективных социальных сил, Золя относит всю сложность моральных столкновений на сторону

личности и, чтобы контрастнее представить фатальную силу экономических процессов в современном промышленном обществе, вызывающую классовую борьбу, изображает неосознанное выступление незнательных личностей против невинного невольного врага: углекоп дед Бонмор убивает буржуазную девушку Сесиль, мальчик Жанлен—крестьянина солдата Жюля, слепое орудие в руках капиталистов. Личные, человеческие черты представителей буржуазии—директора Энбо, инженера Негреля, владельца шахты Денелена—поглощаются их классовым сознанием, руководящим, в конечном счете, их действиями и поступками.

В такой плоскости и разворачивается социально-экономическая трагедия: экономическая борьба углекопов с Компанией за повышение заработной платы. И в этой борьбе, сопровождающейся эксцессами со стороны голодной толпы (препятствие работам, вредительство шахт, нападение на дом директора), провоцируемой высшей администрацией, прорываются грозные, но неясные призывы к революции социальной.

В этом смысле в романе Золя сказывается нарочитая установка писателя—устрашить буржуазию. В наброске сказано: «Нужно заставить читателя-буржуа содрогнуться». А в романе: «То был красный призрак революции. В этот кровавый вечер конца века он увлекал всех, как неотвратимый рок. Да! придет вечер, и, предоставленный себе, разнужданный народ будет так же метаться по дорогам и проливать кровь богачей, рубить их головы и сыпать золото из их распотрошенных сундуков. Так же будут вопить женщины, и мужчины будут щелкать волчьими челюстями. Те же лохмотья, тот же грохот грубых сабо, то же страшное месиво грязных тел, чумного дыхания сметет старый мир в потоке варварского нашествия. Запылают пожары, в городах не останется камня на камне, люди опять вернутся к жизни лесных дикарей; после свальной оргии, в которой бедные в одну ночь опустошат погреб и упьются женами богатых, не останется ничего—ни гроша от бывшего богатства, никакого следа прежних прав, и так до дня, когда, может быть, родится новая земля».

Золя нельзя отказать в том, что разворачивание его замысла в романе об углекопах протекает в рамках строгой обдуманности, в смысле соответствия его той исторически конкретной борьбе французских углекопов в последние годы Второй Империи, художественным синтезом которой явился роман. Эта борьба, в связи со снижением реальной заработной платы, была подготовлена общим промышленным кризисом в конце Империи Наполеона III, и рабочие провоцировались промышленниками на забастовку, в надежде на то, что этим путем им

удастся переложить на плечи рабочих весь ущерб от экономической депрессии. Золя удачно вводит в фабулу своего романа значительный эпизод—борьбу углекопов с единичным, средним капиталистом Дене-леном, шахта которого в первую очередь оказывается обреченной, и тем самым наглядно показывает процесс поглощения мелких капиталов крупным, выходящим конечным победителем в закономерном капиталистическом процессе концентрации капиталов.

С другой стороны, сами формы борьбы углекопов исторически тоже оправдываются: недостаточная касса взаимопомощи, как стачечный фонд, и материальная помощь, незадолго до того основанного Интернационала, отсутствие синдикатов углекопов, тех или иных широких форм рабочих объединений, возможность «правомерных собраний» в связи с разрешением коалиций декретом 1864 г., экономический характер борьбы без политической окраски и т. д. Вместе с тем, среди руководителей забастовки, рабочей борьбы в «Жерминале» проявляется различие во взглядах, характерное для идеологии группировок того времени. Представитель Интернационала Плюшар, с его тактикой поддержки стихийно возникшей стачки, с его стремлением влить ее в русло международного рабочего движения, Раснёр, умеренный реформатор-прудонист, Суварин—несколько утрированный тип разрушителя-анархиста, бакунианца, разлагателя Интернационала, наконец Этьен, в котором представлена тогдашняя рабочая мысль в динамике, в процессе осознания развития от мирных прудоновских форм до революционно-синдикалистских тенденций в будущем—все это живые образы руководителей французского рабочего движения того времени.

Однако, Золя не остерегся от известных анахронизмов. Социально-политическая обстановка конца 70-х годов (время действия «Жерминаля») иногда подменялась им современной ему борьбой начала 80-х годов, когда писался роман. Это сказывается и в идеологии Этьена, Раснёра, Суварина. Раснёр напоминает посьбилиста 80-х годов, Этьен—гедиста. Террористическая деятельность Суварина не могла иметь связи ни с террором русских народолюбцев 80-х годов, ни с практикой анархистов-бакунианцев 70-х годов.

Скрытое морализирование, присущее творчеству Золя, было налицо и в момент создания «Жерминаля», социального романа об углекопах. В письме к Маньяру (4 апреля 1885) Золя писал: «Мне хотелось только одного: показать их (несчастных) такими, какими их создало наше общество, и вызвать такую жалость, такой крик о справедливости, чтобы Франция перестала, наконец, отдавать себя на съедение кучке честолюбивых политиков и занялась бы вопросом о благополучии

и счастья своих детей». Эти выводы должны были возникнуть у читателя при чтении тех ярких картин бедствий углекопов, которые мастерски даны Золя в целом ряде жанровых эпизодов его романа. Ничтожная заработная плата, обрекающая углекопов на полуголодное существование, тяжелый труд в недрах земли, притупляющий человеческое сознание, физическое вырождение, моральное разложение быта углекопов в связи с этими тяжелыми материальными условиями существования—все это представило жизнь углекопов в столь мрачных красках, что критика возымела попытку, как и в период «Западни», упрекнуть Золя в ложном изображении народа. Защита Золя, с указанием на различные методы трактовки тем о народе, очень характерна. «Мне очень радостно видеть,—писал он Жоржу Монторгейлю 8 марта 1885 года,—что крик о милосердии к страждущим был вами хорошо понят. Быть может, на этот раз перестанут видеть во мне клеветника на народ. Разве не подлинным социалистом является тот, кто говорит о бедности, о роковом вырождении среды, который показывает голодную каторгу во всем ее ужасе! Благословляющих народ элегиков следовало бы отправить к гуманитарным мечтательствам 48 года. Если народ столь совершенен, столь божественен,—к чему все стремления улучшить его судьбу? Нет, он повержен, он невежествен, он в грязи, и отсюда-то нужно его извлечь». Некоторые детали быта углекопов вызвали особую полемику. Тут Золя опровергал обвинения уже не ссылкой на самый натуралистический метод творчества, а лишь указанием на свою правдивость, строгое соответствие документу. Отвечая на статью Дюамеля, Золя писал: «Я перехожу к известному обвинению меня в том, что я изобразил углекопов, как сброд пьяниц и развратников. Дюамель указывает на чистоту рабочих поселков и господствующую в них моральность. Я могу лишь отослать его к моей книге. Я сказал, что рабочие поселки содержались хозяевами с чисто-фламандской опрятностью, за некоторыми исключениями: вот ответ на упрек в преувеличенной грязи. Что же касается половой беспорядочности и безнравственности, зависящих от самих условий существования, то я сказал, что из десяти девушек шесть выходили замуж за своих любовников, когда они были уже матерями. Я говорил также о том, что когда в семейство брали на пансион жильца, то в одном случае на два это приводило к ménage à trois. Я утверждаю, что это сушая правда. Пусть мне не приводят, в качестве возражения, сентиментальных доводов; пусть соблаговолят справиться в статистике, осведомиться на местах,—и тогда увидят, солгал ли я». Когда Золя писал эти строки, он, несомненно, имел в виду те эпизоды своего романа, которые воплощены им в ряде резких образов,

В
с той смелой гр.
для изображений
копа Маз, о Муке
любозных забав
сте толпы над т
Борьба капита
если бы коллизия
личностей: директ
сторони, и углеко
ыми подробностями
кляла фабула, в к
мощь любовный; и
господствующего и
буржуазный адюль
посредственная, жи
терние. Золя польз
социального. Так,
включую у него в
и противопоставляе
«Я должен защитит
ный адюльтер введ
торой Элио с хри
лицом рыцарского ст
понятии. Я считал
величести классов
Формально-худ
тальны. Это один р
писателя привел к
лой. Тут сказало
И в этом смысле
Поляне, толпа заб
углекопы в шахтах
Золя своему другу
спорил бы с вами с
абстракция персона
лении. Правильно
Каждая глава, каж
лесом, видишь все
Затем, как и во все
определяется одной

с той смелой грубостью языка, что должна была быть естественной для изображенных им низов. Я говорю об описании быта семьи углекопа Маэ, о Мукетте, любви Шавая и Этьена к Катерине, о детских любовных забавах Жанлена, Бебера и Лидии, наконец о надругательстве толпы над телом лавочника Мегра.

Борьба капитала и труда в «Жерминале» была бы схематична, если бы коллизия коллективных сил не конкретизировалась борьбой личностей: директора, штейгера, инженера, владельца шахты, с одной стороны, и углекопов, с другой. И вот борьба эта заполняется бытовыми подробностями, сплетается с личными драмами, так что создается живая фабула, в которой на ряду с социальным мотивом внедряется мотив любовный; и Золя показывает его в двух планах,—среди класса господствующего и подчиненного, у инженеров и среди шахтеров. Это—буржуазный адюльтер в семье Энбо (Энбо—г-жа Энбо—Негрель) и непосредственная, животная чувственность любви Шавая и Этьена к Катерине. Золя пользуется любовным мотивом и для обострения мотива социального. Так, личную трагедию директора Компании Энбо, подавляющую у него временами классовые инстинкты, Золя сопоставляет и противопоставляет основному социальному мотиву своего романа: «Я должен защитить моих Энбо. Как вы не поняли, что этот банальный адюльтер введен мною лишь для того, чтобы дать сцену, в которой Энбо с хрипом говорит о своих человеческих страданиях пред лицом рычащего страдания социального! Я, несомненно, оказался плохо понятым. Я считал необходимым поставить превыше извечной несправедливости классов вечную скорбь человеческих страданий».

Формально-художественные достоинства «Жерминаля» значительны. Это один из тех романов Золя, в которых эпический размах писателя привел к созданию фресок, отличающихся большой динамикой. Тут сказалось в полной мере мастерство Золя в изображении толпы. И в этом смысле особенно характерны сцены сходки на Девьей Поляне, толпа забастовщиков у шахт, нападение на дом директора, углекопы в шахтах при обвалах. В связи с этим интересно письмо Золя своему другу Анри Сеару в ответ на его критику: «Итак, я поспорил бы с вами относительно двух пунктов вашей статьи. Первый—абстракция персонажа, каждая фигура как бы застыла в одном положении. Правильно ли это в отношении «Жерминаля»? Не думаю. Каждая глава, каждая частица композиции настолько сжаты, что, по неволе, видишь все в ракурсе. Отсюда постепенное упрощение типа. Затем, как и во всех моих романах, тип второстепенных персонажей определяется одной характерной чертой. С этим моим присмом вы,

кажется, давно знакомы. Он может удивить лишь тех хороших критиков, которые в продолжение двадцати лет читают меня с закрытыми глазами. Обратите внимание на главных действующих лиц: у каждого из них своя собственная физиономия. У Этьена ум простого рабочего, постепенно заполняющийся социалистическими идеями; медленное нарастание страдания приводит Маэ от вековой покорности к возмущению; тяжкий путь, по которому Катерина доходит до последней степени страдания. Мне казалось, что в этом декоративном произведении мощные переживания личности, ярко выделяясь на фоне толпы, достаточно ясно выражают определенную идею. (22 марта 1886 года).

Эпизодия в романе «Жерминаль» достигается у Золя и характерным для него приемом преувеличения. Ряд мотивов, благодаря применению им метафоры, приобретает символический характер. Наиболее показателен, быть может, повторяющийся образ шахты Ворё, которая «словно хищный зверь, залегший в норе, дышала все протяжнее и глубже, упорно переваривая человеческую плоть». В какой мере этот прием согласуется у Золя с «правдой» и «точным наблюдением», говорит писатель сам в приведенном уже письме к Сеару: «Второй пункт—мой темперамент лирика и мое преувеличение действительности. Вы об этом знаете давно, вы не поражены, как другие, встретив во мне поэта. Мне хотелось бы только, чтобы вы разобрали механизм моего глаза. Безусловно, я преувеличиваю, но не так, как Бальзак, который в свою очередь преувеличивает не как Гюго. Тут все произведение поставлено в условия операции. Мы все более или менее лжем. Но какова механика и сущность нашей лжи? Так вот—быть может, я здесь и ошибаюсь, но мне кажется, что лично я лгу ради правды. У меня болезненная потребность правды, прыжок в фантазию с трамплина точного наблюдения. Правда одним взмахом крыла достигает символа. По этому поводу можно было бы сказать очень многое, и мне хотелось бы, чтобы вы когда-нибудь занялись изучением этого вопроса».

В целом, описания в «Жерминале» сжаты, четки, образы скупы. Это равно относится как к пейзажу, так и к жанровым сценам. В массовых сценах проза приобретает большую ритмичность. Некоторые образы выделяются по мастерству трактовки, — например, лошади в глубине шахты, особенно в сцене обвала. Изображение животных у Золя (птицы и животные в «Проступке аббата Мурэ», кот в «Чреве Парижа») насыщено всегда особой психологичностью, очеловечено, в тех пределах, однако, что это не мешает ни пластичности образов, ни их внутренней замкнутости.

Название романа Золя об углекопах символично. Жерминаль—это месяц завязи, седьмой, весенний месяц революционного республиканского календаря (от 21 марта по 19 апреля). Это заглавие романа вполне соответствует тому идейному пуанту романа, который особенно ярко выражен у Золя в концовке романа. Золя сознавал в своих «Набросках», что закончить роман простым поражением углекопов—значило бы нанести роману художественный ущерб: «Плохо то, что поражение уничтожает красивую простоту развязки. Рабочие побеждены и, понуря головы, трусливо принимаются за работу. Ты тоже, и ты... У меня жена, у меня мать, у меня дети—и снова застучали кирки». Но не найдя соответственной четкой фабульной развязки, Золя, стремившийся сохранить трагический характер своей рабочей эпопеи, вложил в концовку особую символическую насыщенность, которая придает роману конечный тон бодрости: «И снова, снова, все яснее и отчетливей, словно приближаясь кверху, раздавались удары рабочей кирки. В пламенных лучах светила, юным утром, земля вынашивала в себе этот шум. Там росли люди, грозная, черная рать, медленно восходившая на бороздах нивы, созревая для жатвы будущего века; и Этьен знал, что посев этот скоро должен пробить толщу земли».

М. Эйхенгольц

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
М. Эйхенгольц. Вступительная статья	7
Журнал	15
Примечания	615

1) — *lumi*

15/1

663085
~~1929-19998.~~

18/3